

Хакуашева Мадина Андреевна, Борова Асият Руслановна

ПРИЗНАКИ ДЕГУМАНИЗАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. МАКОЕВА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОВЕСТИ "ЛУННЫЕ МАЛЬЧИКИ")

Одной из основных задач авторов статьи явилась необходимость обозначить наиболее важные особенности феномена адыгской русскоязычной литературы на примере анализа повести "Лунные мальчики" современного кабардинского писателя А. Макоева. В работе представлены жанровые особенности и особенности авторского идиостиля писателя, для которого нравственный кризис, во многом обусловленный "лихими 90-ми", явился главной тематической проблематикой произведения. Подобное исследование кажется особенно актуальным в настоящее время, так как русскоязычная литература народов Северного Кавказа - одно из наиболее динамично развивающихся и наименее разработанных направлений в литературоведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 249-252. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**CENSORSHIP AND I. V. VERNADSKY'S "ECONOMICHESKIY UKAZATEL"
("ECONOMIC GUIDE") OF 1857-1861**

Surnina Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
isurnina1983@mail.ru

The article analyzes the interaction of censorship and business editions of 1857-1865 which is considered by the example of censorial cases initiated against I. V. Vernadsky's "Economicheskii Ukazatel" ("Economic Guide"). The author describes what kind of materials were under close attention of censorial departments, what articles were forbidden and what penalties were applied to censors who approved "undesirable" articles. The paper also discovers the relations between censorship and other business periodicals of the turn of the 1850-1860s.

Key words and phrases: I. V. Vernadsky; censorship; censor; reprimand; journal; "Economicheskii Ukazatel" ("Economic Guide").

УДК 82/821.35.0

Одной из основных задач авторов статьи явилась необходимость обозначить наиболее важные особенности феномена адыгской русскоязычной литературы на примере анализа повести «Лунные мальчики» современного кабардинского писателя А. Макоева. В работе представлены жанровые особенности и особенности авторского идиостиля писателя, для которого нравственный кризис, во многом обусловленный «лихими 90-ми», явился главной тематической проблематикой произведения. Подобное исследование кажется особенно актуальным в настоящее время, так как русскоязычная литература народов Северного Кавказа – одно из наиболее динамично развивающихся и наименее разработанных направлений в литературоведении.

Ключевые слова и фразы: повесть А. Макоева; русскоязычная литература; глобализация; мифо-фольклорное влияние; мир детства; архетип; дегуманизация.

Хакуашева Мадина Андреевна, д. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик
dinaarma@mail.ru

Борова Асият Руслановна, д. филол. н., доцент
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик
assbora@mail.ru

**ПРИЗНАКИ ДЕГУМАНИЗАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. МАКОЕВА
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОВЕСТИ «ЛУННЫЕ МАЛЬЧИКИ»)**

Русскоязычную литературу Северного Кавказа можно отнести к одному из наиболее динамичных направлений, которое во многом отражает ситуацию по Российской Федерации.

Современная северокавказская литература широко представлена творчеством Л. Куни, К. Ибрагимова, Г. Садулаева, Р. Дидиговой, Р. Цурова, М. Льяновой, Я. Патиева, Э. Гуртуева, Б. Чипчикова, Т. Толгурова, М. Муслимовой (М. Шейховой), Г. Галбацева, А. Кардаш, Х. Магомедова, А. Черчесова, Т. Кибирова, Д. Бугулова и многих других. Эти писатели продолжают развивать национальные традиции литературного художественного мастерства, заложенные предшественниками, формируя новый образ русскоязычной национальной литературы, внося неповторимое своеобразие в современную языковую картину мира.

Среди факторов, влияющих на поэтику всех жанров адыгской (черкесской) литературы, самым существенным и устойчивым в процессе эволюции являлся фольклор. «Важнейшими константами долгие годы оставались мифо-эпическая основа и художественный этнографизм. Региональный аспект, местный колорит были чертами преобладающими, доминантными, определяющими специфику национальных литератур республики, их отличие от литературы метрополии» [1, с. 5]. Но в постсоветский период литературный процесс адыгской литературы перестал быть явлением сугубо локальным – глобализация обусловила его интеграцию с мировым литературным процессом на глубоком сложном уровне. В 1990-2000-е годы на этой волне новый импульс к развитию получила русскоязычная проза, определившая качественно новый уровень литературного процесса северокавказских республик: Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии. Современная русскоязычная адыгская литература сложилась на данном этапе как значительный эстетический феномен.

Творчество кабардинского русскоязычного писателя А. Макоева репрезентативно с точки зрения общих характеристик современной русскоязычной адыгской прозы. Его первый рассказ «Живая картина» был опубликован в 1988 году. К настоящему времени им написано более 30 произведений, преимущественно

рассказов, несколько повестей. Наиболее известные из произведений – «Натюрморт с чайкой», «Золотые апельсины», «В пору голых деревьев», «Омовение сердца», «Лунные мальчики», «Сады Масират», «Возвращенное небо» и др. В разное время рассказы и повести А. Макоева издавались в различных городах Российской Федерации: Нальчике, Москве, Пятигорске, Грозном, Майкопе, Бийске.

Тематический диапазон рассказов А. Макоева достаточно широк: отношения родителей и детей, мужчины и женщины, социальное неравенство, кризис гуманизма, подлинная и мнимая свобода личности, «обветшание», энтропия духовного мира литературного героя и целого социума. Автор обращается «к мистике и потустороннему миру, к мифу, к вопросам взаимовлияния разных культур и стирания границ между прошлым и будущим, реальностью и вымыслом...» [5, с. 12].

Лейтмотивом творчества А. Макоева становится тема утраченного детства, грусть по потерянным идеалам юности. Входя в соприкосновение с реальностью взрослых, внутренний мир ребенка мгновенно съеживается, теряет краски, объем, свежесть, а главное – радость... Именно эта атмосфера постепенной утраты своего мира и себя-в-мире ощущается в повести «Лунные мальчики» [4].

Круг друзей, среди которых протекает отрочество и юность главного героя по кличке Стриж, состоит из архетипически-рельефных образов. В окружении Стрижа, от лица которого ведется повествование, – его друзья Гусак, Толстый, Рыжеус, Брат, Гном. Эту группу мальчишек возглавляет Князь, прозванный так по причине его «родовитой» фамилии, – у него типичный портрет лидера-подростка: «...мужественное лицо, он жилист, худощав, уверен в себе и необычайно силен, уже два года ходит на борьбу» [Там же, с. 192].

Друзья участвуют в жизни села, обносят колхозные поля, регулярно собираются на холме за околицей – они все знают друг о друге, даже посвящены в сердечные тайны.

Живая панорама полнокровной жизни провинции, воспринятая и пересказанная подростком, контрастирует с последующей характеристикой принципиально иной картины, в которой почти не остается живых красок: «В какой-то момент обнаружилось, что некогда приветливое ночное небо опустилось на холм и остановило ход времени... Кто-то неизвестный потянулся и выключил луну, неосторожным движением рассыпал на землю звезды, подмял опустевшие сады и куда-то подевал облака... Вид с него теперь открывается печальный и унылый, особенно в осеннюю пору. Ничто живое не радует глаз. В поселке перестали держать коров, и вечернюю тишину улиц давно не нарушают топот и мычание стада» [Там же, с. 202]. Особенностью повести становится ярко выраженная ностальгическая интонация, которая характерна для всего творчества А. Макоева.

Изменившееся время на каком-то этапе принесло удачу Синеглазому, всегда готовому помочь друзьям, который вместо «маслопроводного шланга» подарил автомобиль Князю, позже звал друзей всех в столицу, но потом пустился в бега, вынужденно разлучившись с семьей, и по слухам исчез в маленьком мексиканском городке. Не состоялся и Князь, который всегда чувствовал «сожаления за свою судьбу, сложившуюся совсем не так... И кому же, как не ему, – утверждал Стриж, – больше всего подходила роль героя, – в нем все для этого было» [Там же, с. 203]. Князь – прирожденный неформальный лидер, призванный стать реальным военным лидером, однако «честность и независимость» его не устраивали ни друзей, ни врагов. Однажды он преуспел в бизнесе, но друзья и кутежи его разорили. Вскоре Князь «увяз в семейных разборках, стал чиновником в комитете по спорту, растит троих детей от разных жен и бесконечно ремонтирует свою машину...» [Там же, с. 204].

Гном, который отличался артистичностью, постепенно спился, добряк Толстый рано потерял здоровье. Драматизм сквозит не только в униженном жизненном положении Князя, которое не соответствует его истинному призванию, но и в измельчании его принципов и позиций.

Удача сопутствует заурядным Гусаку и Рыжеусу, которые никогда не отличались порядочностью. Первый «удачно» женился на дочери влиятельного милицейского чиновника, и у него начался быстрый карьерный рост. Рыжеус нажил большой капитал теми же сомнительными средствами, которыми пользовался уже в юности.

Сюжет повести отражает реальные деструктивные процессы в обществе, которые разрушают гармонию, отвергают силу, доброту, великодушие, честность. История с Братом усугубляет это ощущение, заставляет пристальнее всматриваться в стихию человеческой жизни, в которой будто бы заложен невидимый центр зла.

Друзья знают, что Брат безнадежно влюблен в Марину, он робеет и теряется в присутствии девочки. Чтобы устранить эту «слабость», они устраивают ему, а заодно и себе, тайное «наблюдение» за Мариной и ее матерью через глазок, проделанный в закрашенном окне женского отделения бани. Однако эта типичная подростковая проказа оборачивается впоследствии трагедией: Марину на выпускном вечере соблазняет какой-то местный сердцеед из другой школы, а затем публично оглашает эту «победу» в присутствии всех товарищей. Главный герой лишь оговаривается относительно предполагаемых переживаний влюбленного подростка, который считался самым «умным» и отличался от всех интеллигентностью, впечатлительностью, особой тонкой организацией. «Ведь был же этот юноша из другой школы, ведь рассказал же он нам, насмехаясь над Мариной, как забавлялся с ней в выпускную ночь. Мы же видели после этого неживые глаза Брата – так зачем надо было смеяться над ним, а затем, похлопывая по плечу, успокаивать его и утешать, мол, не бери в голову, все они такие. А он, поддавшись минутной слабости, укрылся в себе и, видимо, там, в неведомых нам лабиринтах души, от отчаяния разом сорвал все шлюзы и затопил себя жгучим потоком... боли, с которым не в силах был совладать. И, наверное, грубая мощь его хлынула беспощадно, разбивая нежные мысли о прошлом, с надменной легкостью отвергая мечты о будущем, оскорбляя нежную любовь его к этому миру, в котором было все то, ради чего он жил...» [Там же, с. 208-209]. Стриж увидел одинокую фигуру юноши

на вершине крутого склона, с которого он сбросился вниз... Знаменательны последние слова Брата, который так и не сознался в добровольном отказе от жизни: «Стриж, ты же видел... я... оступился...» [Там же, с. 209].

Автор дает возможность подвести неутешительные итоги: в век упрочившегося капитала лучшие оказываются банкротами – преуспевают мошенники, конформисты, приспособленцы.

На более глубоком уровне переживания художественного текста интенция читательской мысли приходит в соприкосновение с одной из главных художественных задач автора – поиском источника зла. Автор через нарратора как бы задается вопросом о том, где же на самом деле сосредоточен эпицентр зла: в самой жизни или только в человеческом социуме? В трагической короткой истории подростка, которая столь жестоко завершается суицидом, проясняется истинная причина общей драмы, она – в особенностях лучших черт человеческой природы, которая несовместима с наступающей эпохой дегуманизации.

Несмотря на принадлежность героев к определенному историческому переходному отрезку времени (перестройки), автор отчасти размыкает ее в силу некоторой архетипичности персонажей [3], на этом фоне зло выступает как вневременная константная категория. Оно не существует абстрактно, но отличается антропоморфностью, его источник заключен в человеческой природе; по мысли автора, именно человек деформирует социум и пространственно-временной континуум. Так, согласно логике художественного повествования, человеческая сущность носит амбивалентный характер и проявляется полярными сторонами. Это обстоятельство, несомненно, углубляет остроту и трагизм повествования.

Тесная неотъемлемая связь с национальным фольклором остается определяющей даже на поздних стадиях адыгского литературного процесса, в том числе в рамках русскоязычной литературы. Национальный элемент в творчестве А. Макоева остается на уровне реминисценций – так, в художественном тексте описывается типичный национальный обряд *Ханцигуаше*, связанный с вызовом дождя [2, с. 194]. Оставшийся со времен языческих культов, он еще до недавнего времени был распространен в адыгских аулах. В контексте описания общего упадка и мертвящего духа технократии, постепенно набирающего силу, этот обряд, по замечанию автора, ныне тоже перестал существовать: «Теперешние дети, увлеченные компьютерами, не водят ряженных в засушливые летние дни, да и вряд ли подобная затея придет им в голову» [4, с. 202]. Короткий эпизод народного обряда в художественном тексте приводится как трансформированная версия: в типичном обряде дети или подростки носили по селу куклу, привязанную к шесту, в повести же водят ряженого мальчика-подростка. Однако распознать типичный адыгский обряд может лишь читатель, знакомый с традициями и обычаями адыгов, для русскоязычного читателя средней полосы вряд ли этот эпизод будет нести информацию, связанную с национальными особенностями.

Несмотря на это, повесть в целом носит универсальный характер, ее сюжет, характеристики персонажей, художественные описания с полным основанием могут быть отнесены к любому современному российскому топосу. Вместе с тем художественный отрезок времени, как упоминалось выше, имеет гораздо более конкретные различимые характеристики: время до и «после перестроек, переворотов и распада страны» [Там же, с. 203].

Крен художественного сознания в сторону мифо-фольклорного дискурса, неореализма, постмодернизма, небарокко, магического реализма в литературе народов Северного Кавказа объясняется попыткой выйти из тотального кризиса, разразившегося в 90-е годы. Идеологическим и психологическим мотивом для формирования направления, акцентированного на форме, феномена некоего эстетизма можно считать кризис типичных жанров соцреализма (критического реализма). Эта ситуация стала актуальной для писателей, заставших социалистическую эпистему, но достаточно молодых к моменту ее завершения, чтобы при всем понимании остаться относительно интактными в отношении ее влияния.

Кризис 90-х годов можно весьма условно разграничить на социально-политический (в основе которого лежал кризис экономический), идеологический (кризис социалистической эпистемы), эстетический, включающий в том числе кризис в области художественной литературы. Говоря об эстетике и соцреализме, А. И. Алиева разделяет эти понятия как «разнокатегориальные и несводимые» [2, с. 79].

Транслингвизм, характерный для русскоязычных авторов, в этой ситуации становится своеобразным медиатором, который во многом катализирует выход из кризиса. Современные процессы интеграции ведут к пересечению культурных связей, способствующих рождению новых смыслов, непривычных образов и даже синкретических литературных жанров на хорошо известном, но заново переработанном материале.

Список источников

1. **Абакарова О. М.** Современная русскоязычная проза Кабардино-Балкарии: поэтика стилей и жанров: автореф. дисс. ... к. филол. н. Нальчик, 2005. 18 с.
2. **Алиева А. И.** Национальная идея и эстетика социалистического реализма // *Нация. Личность. Литература*. М.: Наследие, 1996. Вып. 1. С. 67-215.
3. **Борова А. Р.** Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. Нальчик: Издат. отдел КБИГИ, 2015. 206 с.
4. **Макоев А. Л.** Натюрморт с чайкой. Лунные мальчики. Нальчик: Эльбрус, 2005. 216 с.
5. **Мурнаева Л. И.** Интертекстуальность в современной северокавказской русскоязычной прозе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пятигорск, 2016. 16 с.
6. **Хакуашева М. А.** Мифологические образы и мотивы в фольклоре, литературе и искусстве. Нальчик: Издат. отдел КБИГИ, 2014. 172 с.

**SIGNS OF DEHUMANIZATION IN THE WORKS OF A. MAKOEV
(BY THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF THE STORY “THE MOON BOYS”)**

Khakuasheva Madina Andreevna, Doctor in Philology
Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research, Nalchik
dinaarma@mail.ru

Borova Asiyat Ruslanovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
assbora@mail.ru

One of the main tasks of the authors of the article is the need to identify the most important features of the phenomenon of Adyghe Russian-language literature by the example of the analysis of the story “The Moon Boys” by the contemporary Kabardian writer A. Makoev. The work presents the genre features and peculiarities of the writer’s idiosyncrasy, for whom the moral crisis, largely due to the “dashing 90-ies”, was the main thematic problem of the story. Such a study seems particularly topical at the present time, since Russian-language literature of the peoples of the North Caucasus is one of the most dynamically developing and least worked out directions in literary criticism.

Key words and phrases: story by A. Makoev; Russian-language literature; globalization; myth-folk influence; world of childhood; archetype; dehumanization.

УДК 398.2

В статье рассматривается ареал распространения башкирского мифологического байта «Сак-Сук» по архивным материалам Башкирского государственного университета, Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, Уфимского научного центра Российской академии наук. В результате анализа данных этих источников было выявлено распространение байта в тридцати четырех районах Республики Башкортостан, а также за ее пределами. Получены выводы о том, что мифологическое произведение имеет одиннадцать названий, две версии зачина, а также десять сюжетных особенностей, которые присущи башкирским текстам байта.

Ключевые слова и фразы: ареал распространения; архивные материалы; тексты; мифология; байт; «Сак-Сук».

Ханова Гульназ Салимьяновна

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
tuzgul@mail.ru

**АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БАШКИРСКОГО
МИФОЛОГИЧЕСКОГО БАИТА «САК-СУК» И ЕГО ОСОБЕННОСТИ**

*Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ «Мифологический байт “Сак-Сук”
(варианты и исследования)», № 16-34-01020.*

Байт, или бейт, – арабское слово, которое в башкирском и татарском фольклоре служит определением жанра национальной поэзии, отличающегося большой историчностью и документальностью, повествующего о каком-либо событии, значительном для группы людей или всего коллектива, для определенного региона или всей страны. Одним из известных произведений, которое привлекает внимание не только мифологическим содержанием, но и отражением архаических представлений народа, является байт «Сак-Сук».

Причиной широкого распространения и бытования сюжета о двух детях, проклятых матерью и превращенных в птиц, можно считать сочетание мифологического содержания и бытовой проблемы, внутри которой заключен глубокий трагизм, а также дидактическую направленность байта.

Для исследования ареала распространения и особенностей башкирского мифологического байта «Сак-Сук» нами были изучены архивные материалы фольклорного кабинета Башкирского государственного университета (БашГУ) (1958-1999), фольклорного центра Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (2004, 2005, 2009-2012), фольклорный фонд кабинета башкирской филологии Сибайского института (филиала) БашГУ (1997-2005), научный архив Уфимского научного центра РАН (УНЦ РАН) (1938-1988), а также материалы фольклорных (2003-2015) и археографических экспедиций Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (1973-1976).

По материалам исследования было выявлено, что башкирские тексты байта «Сак-Сук» распространены в тридцати четырех районах Республики Башкортостан (РБ), а также за ее пределами (Республике Татарстан, Курганской, Челябинской, Оренбургской, Куйбышевской, Пермской, Свердловской областях).